

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атнаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук
(Япония, Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук
(Россия, Благовещенск)

А. В. Поляков, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук
(Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук
(Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук
(Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

И. И. Юрганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационный номер ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy
(Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. V. Polyakov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

The journal was approved by the Scientific and Technical Council of Altai State University and registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadkhor). Registration number PI No. FS 77-78911 dated 07.08.2020.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020 z.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

I. I. Yurganova, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Дашковский П. К.* Археолог, педагог, наставник: к 60-летию юбилею
Алексея Алексеевича Тишкина7
- Киреев С. М., Радовский С. С.* Сосуды с «трубчатым носиком-сливом»
в материалах Быстрянской и синхронных культур раннего железного века
Алтая.....42
- Мандрыка П. В., Юрьева В. В.* Образ хищной птицы в металлопластике культур
раннего железного века лесостепных и южно-таежных районов
Средней Сибири62
- Советова О. С., Сирюкин И. В.* Новое скальное захоронение на Тепсее82
- Шульга П. И.* Поясные бляшки Староалейской культуры: происхождение
и использование99
- Солодовников К. К., Дашковский П. К., Эрдэнэ М., Нечвалода А. И., Тур С. С.,
Кравченко Г. Г.* Краниологические материалы энеолита — ранней бронзы
северо-западной и юго-восточной периферии ареала афанасьевской общности:
к вопросам о территориально отдаленных родственных связях и о выделении
куротинского типа памятников 120

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* «Деревянный» огонь у чукчей 151
- Скрынникова Т. Д.* Титул «хаган» — маркер верховной власти в монгольской
летописной традиции184

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Марсадолов Л. С.* Сакральные образы древа, животных, богини и близнецов
у древних кочевников Евразии.....194
- Дашковский П. К., Ожиганов А. Н.* Советская государственно-
конфессиональная политика в отношении религиозных общин Хакасской
автономной области во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг..... 218

- ДЛЯ АВТОРОВ**237

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dashkovskiy P. K.</i> , Archaeologist, teacher, mentor: on the 60th anniversary of Alexey Alekseevich Tishkin	7
<i>Kireev S. M., Radovskiy S. S.</i> Vessels with a “tubular spout-drain” in the materials of the Bystryanskaya and Synchronous cultures early iron age Altai.....	42
<i>Mandryka P. V., Yurieva V. V.</i> The image of a bird of prey in the metal — plastic cultures of the early iron age of the forest-steppe and south taiga regions of Central Siberia.....	62
<i>Sovetova O. S., Siryukin I. V.</i> A new rock burial on Tepsey	82
<i>Shulga P. I.</i> Belt plaques of Staroaley culture: origin and usage.....	99
<i>Solodovnikov K. K., Dashkovskiy P. K., Erdene M., Nechvaloda A. I., Tur S. S., Kravchenko G. G.</i> Craniological materials of the eneolithic-early bronze age of the north-western and south-eastern periphery of the afanasiev community area: on the questions of territorially distant family relations and the identification of the kurotin type of sites.....	120

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Ozheredov Y. I., Yarzutkina A. A.</i> “Wooden” fire at the people of the chukchi	151
<i>Skrynnikova T. D.</i> The «khagan» title as a marker of supreme power in the Mongolian chronicle tradition.....	184

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Marsadolov L. S.</i> 05Sacred images of the Tree, Animals, Goddesses and Gemini at the ancient nomads of Eurasia	194
<i>Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N.</i> Soviet state-confessional policy in relation to the religious communities of the Khakass autonomous region in the second half of the 1970s — the first half of the 1980s	218

FOR AUTHORS	237
--------------------------	-----

УДК 94 (516)

DOI: 10.14258/nreur(2023)3–05

П. И. Шульга*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)*

ПОЯСНЫЕ БЛЯШКИ СТАРОАЛЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Детали поясной фурнитуры в захоронениях скифоидных культур VI–IV вв. до н. э. Южной Сибири и Северного Китая встречаются довольно часто. В их число входят и накладные поясные бляшки: бабочковидные, S-образные и шестисекционные. На всей этой территории они распространяются примерно в одно время (вторая половина VI–V в. до н. э.). Некоторые исследователи предполагают, что они появились в Северном Китае, откуда распространились в Южную Сибирь. Считается, что наборные пояса с накладными бляшками были атрибутами воинов-мужчин. Проведённая автором работа по систематизации и анализу поясных бляшек из Китая и Сибири позволяет существенно скорректировать имеющиеся взгляды. Действительно, в Северном Китае запечатлённые на бабочковидных бляшках образы распространяются на нефритовых пластинках и бронзовых изделиях уже в VIII в. до н. э., однако пояса с бляшками там появляются в VI–V вв. до н. э. «внезапно» в уже устоявшемся виде. Между тем в Туве прослеживается происходивший в VI в. до н. э. процесс трансформации поясных обойм раннескифского времени в накладные бляшки. По этим данным идея украшать пояса накладными бляшками зародилась на территории Тувы, а в Северном Китае получила наибольшее развитие.

Поясные бляшки могут рассматриваться как хронологические индикаторы и маркеры этнокультурных процессов. Наиболее хорошо это прослеживается в Северном Китае. В Южной Сибири поясные бляшки также отражают культурную специфику, но не столь однозначно. Бабочковидные бляшки староалейской культуры полностью соответствуют по форме и изображениям бляшкам обширной области, включающей также Туву, Минусинскую котловину и Томское Приобье. Но имеются и особенности: 1) почти все комплекты при поясах и в женских сумочках составлены из разнородных бляшек и подвесок; 2) вместе с бабочковидными бляшками встречаются специфические шестисекционные бляшки; 3) бронзовые детали в скоплениях в женских погребениях наиболее разнородны, не связаны с поясами и больше напоминают скопления изделий из культовых объектов типа Тасеевского комплекса в Приангарье и «клада» из Степановки в Томском Приобье.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Северный Китай, Тува, староалейская культура, поясная фурнитура, накладные бабочковидные бляшки, образы грифона и дракона.

Цитирование статьи:

Шульга П. И. Поясные бляшки Староалейской культуры. Происхождение и использование // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 3. С. 99–119. DOI 10.14258/nreur(2023)3–05.

P. I. Shulga

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

**BELT PLAQUES OF STAROALEY CULTURE:
ORIGIN AND USAGE**

Structural features of the belt and its accessories in Scythian-like cultures of Southern Siberia and Northern China burials of VI–IV centuries BC are quite common. A significant part of them are appliqué belt plaques: butterfly-shaped, S-shaped and six-sectional. They spread throughout this area at about the same time (the second half of VI–V BC), but some researchers suggest that they originated in northern China from where they spread to southern Siberia. It is believed that the set belts with appliqué plaques were attributes of the male warriors. The author's work on belt plaques from China and Siberia systematization and analysis allow to adjust the existing views significantly. Indeed, in Northern China, butterfly-shaped plaque images have spread on jade plates and bronze items since the VIII century BC. However, belts with plaques appeared there “suddenly” in an established form. Meanwhile, in Tuva, the transforming of early Scythian time belt carrying slots into appliqué plaques process was traced in the VI century BC. According to these data, the idea of decorating belts with appliqué plaques originated in the territory of Tuva and has got the most development in northern China.

The author's research shows that belt plaques can be considered as ethno-cultural processes» markers. This is most clearly seen in northern China. In southern Siberia, the belt plaques also reflect cultural specificity. The butterfly-shaped plaques of the Staroaley culture fully correspond to the Tuva, the Minusinsk basin and the Tomsk Ob Region plaques shape and images. But there are some features as well: 1) Almost all sets with belts and in women's handbags are composed of heterogeneous plaques and pendants; 2) there are specific six-section plaques together with butterfly-shaped plaques; 3) bronze details in women clusters are most heterogeneous, are not related to belts, and look more like clusters of products from cult objects such as the Taseevsky Complex in Angara region and “hoard” from Stepanovka in Tomsk Ob Region.

Key words: Southern Siberia, Northern China, Tuva, Staroaley culture, Belt Accessories, false butterfly plaques, images of griffin and dragon.

For citation:

Shulga P.I. Belt plaques of Staroalei culture. Origin and usage. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. Т. 28, № 3. P. 99–119. DOI 10.14258/nreur(2023)3–05.

Шульга Пётр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** shulgapi55@yandex.ru.

Shulga Peter Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** shulgapi55@yandex.ru.

Введение

Поясная фурнитура в скифоидных культурах VI–III вв. до н. э. Южной Сибири и Северного Китая представляет несомненный интерес как хронологический и этнокультурный индикатор. К наиболее известным и часто встречаемым деталям относятся накладные поясные бляшки. В отличие от поясных обойм раннескифского времени, это были нефункциональные изделия, крепившиеся на поясе нитями и тонкими ремешками. Подавляющее число бляшек имеет близкие размеры (около 4,5x2 см), бабочковидную или S-образную форму. Почти на всех бляшках от Верховьев Оби до Забайкалья и Хуанхэ воспроизводился образ грифона (хищной птицы) или почти не отличимый образ китайского дракона в Северном Китае.

Поясные накладные бляшки являются сравнительно частой находкой на памятниках скифоидных культур Южной Сибири (конец VI–IV вв. до н. э.) и Северного Китая (конец VI–III вв. до н. э.). Эти своеобразные изделия в Южной Сибири приходят на смену обоймам раннескифского времени, надевавшимся на поясной ремень. В Южной Сибири переход от поясных обойм к накладкам произошёл повсеместно в течение VI в. до н. э. Однако процесс этого перехода и трансформации поясных деталей на археологическом материале почти не фиксируется. Исключение представляет лишь территория Тувы, где алдыбельская культура какое-то время сосуществовала с уюкско-саглынской культурой, пришедшей ей на смену во второй половине VI в. до н. э. Вероятно, этим объясняется наличие там поясных наборов с бляшками переходного облика [Семёнов, 1997: 19; 2000: 179; Килуновская, Фролов, 2020: 127–128]. На остальных территориях от Верхнего Приобья до Забайкалья, Ордоса и Ганьсуйского коридора накладные поясные бляшки появляются как бы в одно время (VI–V вв. до н. э.) и без переходных вариантов. При этом в Ордосе и Ганьсу (Северный Китай) эти бляшки разнообразны и фиксируются в большом количестве. Хотя до VI в. до н. э. на данной территории у скотоводов поясные обоймы и бляшки вообще не известны¹. В Казахстане,

¹ Поясные обоймы раннескифского облика в Северном Китае известны лишь в небольшом районе к северу от Пекина, где в VII–VI вв. до н. э. существовала скифоидная культура юйхуанмяо.

Синьцзяне и Горном Алтае накладные поясные бляшки по каким-то причинам не получили распространения. Практически нет их и далее к западу [Воробьёва, 2010].

Проводимые автором исследования показывают, что поясные бляшки могут рассматриваться не только как хронологические индикаторы [Семёнов, 1997, 2000; Килуновская, Фролов, 2020: 127], но и как маркеры этнокультурных процессов.

Немалую сложность представляет вопрос о сферах использования накладных поясных бляшек. Традиционно считается, что они крепились на воинских поясах. Однако в отличие от скифоидных культур Северного Китая, где известны многие десятки подобных поясов, в Южной Сибири таких наблюдений сравнительно немного. При костяке умершего, как правило, находят всего несколько бляшек, встречающихся в разных местах могилы. В этих случаях их отношение к поясу не очевидно. Обстоятельства обнаружения большинства бляшек из Томского Приобья (Степановка) точно не определены. Место, где они были найдены, могло быть как погребальным, так и культовым памятником [Плетнёва, 1977: 68–69]. Наиболее вероятно, бляшки и другие разнородные бронзовые изделия из Степановки происходят из культового места, подобного Тасеевскому комплексу в нижнем течении Ангары [Гревцов, 2013]. Почти все многочисленные бляшки из Приангарья происходят из культовых мест, а в погребениях они единичны. Немного их и в погребениях на северо-западном берегу Байкала и в Забайкалье.

В Монголии, помимо немногочисленных случайных находок, известен лишь один комплект бронзовых изделий из жертвенника на берегу оз. Хубсугул с четырьмя накладными бляшками [Оргилбаяр и др., 2019]. В Туве за последние 10–15 лет найдено большое количество погребений с поясными бляшками. Значительная часть этих бляшек опубликована в предварительных сообщениях, но без планов и описаний погребений [Килуновская, Семёнов, 2013; Семёнов, Килуновская, 2014; Килуновская и др., 2015; Килуновская, Фролов, 2020; Килуновская и др., 2021]. По этой причине не вполне понятны сферы использования бляшек. На этом фоне качественно исследованные и сравнительно полно опубликованные захоронения староалейской культуры с поясными бляшками представляют значительный интерес.

1. Описание погребальных комплексов и накладных поясных бляшек

Ареал староалейской культуры ограничивается сравнительно небольшой территорией в рамках Барнаульского Приобья. Известно около 15 могильников, большинство которых располагается на залесённом правом берегу Оби [Фролов, 2008]. Почти все поясные накладные бляшки происходят из трёх могильников: Староалейка-2, Обские Плёсы-2 и Фирсово-14. Материалы первых двух опубликованы [Киришин, Кунгуров, 1996; Ведянин, Кунгуров, 1996]. Часть планов погребений там отсутствует, но количество найденных бляшек и обстоятельства их нахождения описаны достаточно подробно. Из материалов Фирсово-14 в научный оборот введены лишь небольшие фрагменты [Фролов, Шамшин, 1999; Шамшин, Чекрыжова, 2003; Фролов, 2008: 433–435, рис. 132–137]. Опубликован только один план погребения с поясными бляшками [Фролов, 2008, рис. 133].

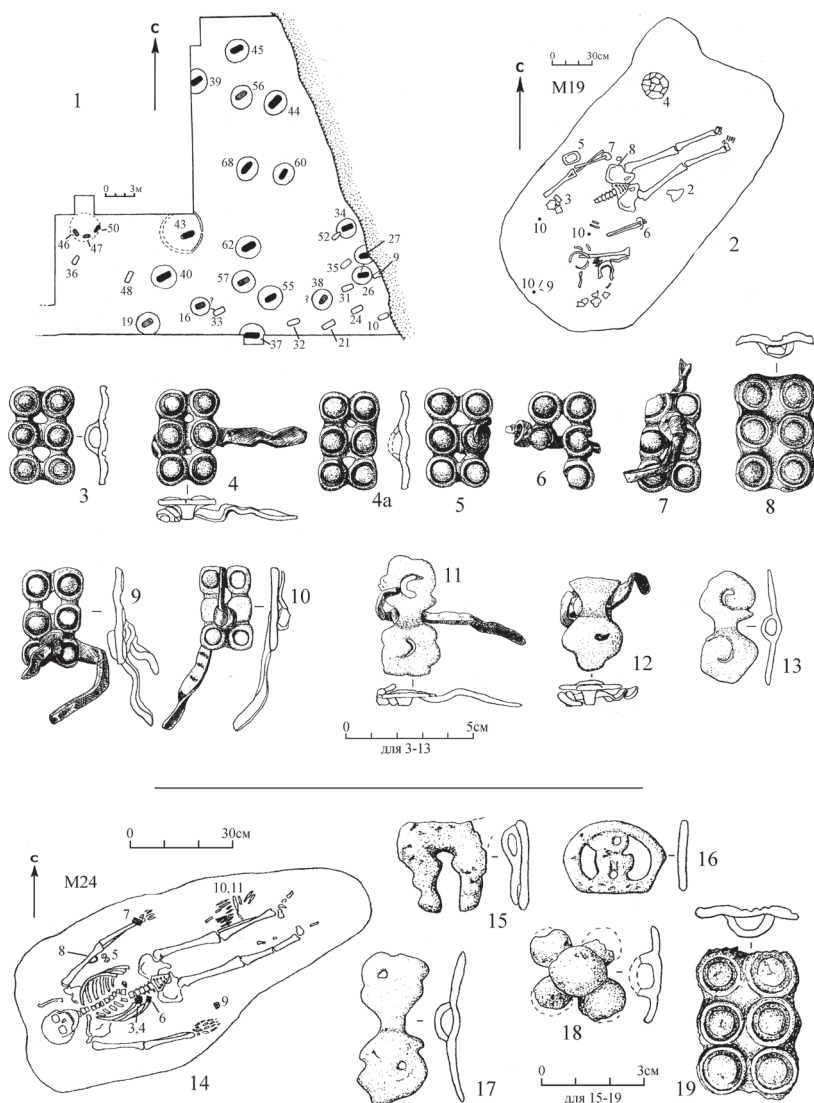

Рис. 1. Могильник Староалейка-2: 1 – план могильника; 2 – погребение 19 (2 – сумочка с бляшками; 3, 4 – сосуды; 5 – курительница; 6, 7 – браслеты; 8 – пряслице; 9 – две бронзовые заколки, 10 – бусы); 3–13 бронзовые бляшки с остатками кожаных ремешков; 14 – погребение 24 (3–7 – бронзовые бляшки; 8, 9 – бронзовые крючок и ворворка; 10 – бронзовый наконечник стрелы; 11 – роговые наконечники стрел); 15–19 – бронзовые бляшки [Кирюшин, Кунгуров, 1996]

Fig. 1. Burial Ground Staroaleyka-2: 1 – the scheme of the burial ground; 2 – burial 19 (2 – a bag with plaques; 3, 4 – vessels; 5 – a censer; 6, 7 – bracelets; 8 – spindle whorl; 9 – two bronze hair slides, 10 – beads); 3–13 bronze plaques with leather straps remains; 14 – burial 24 (3–7 – bronze plaques; 8, 9 – bronze hook and «vorvorka» (cone-shaped pendant); 10 – bronze arrowhead; 11 – horn arrowheads); 15–19 – bronze plaques [Kiryushin, Kungurov, 1996]

Могильник Староалейка-2. Располагался на высоком левобережном мысу Оби в устье р. Алей у с. Староалейка (Топчихинский район Алтайского края). В ходе раскопок в 1978, 1980, 1981 и 1986 гг. обнаружено 70 погребений, из которых 43 отнесены к староалейской культуре раннего железного века (рис. 1.-1) [Кирюшин, Кунгуров, 1996: 115]. Инвентарь на могильнике в основном характерен для староалейской культуры [Кирюшин, Кунгуров, 1996: 134], что подтверждает и сравнительно большое количество погребений с поясными накладными бляшками. Они найдены в четырёх погребениях (могилы 19, 24, 56 и 62). В одном из них захоронена женщина (могила 19), в остальных — мужчины с вооружением. Все умершие погребены в одинаковой позе — на спине, вытянуто, головой в юго-западный сектор.

Могила 19. Погребение женщины в длинной (2,5 м) и сравнительно глубокой (1,07 м) яме. Захоронение потревожено. Частично разрушена верхняя часть скелета, но основная часть инвентаря, а также браслеты на кистях рук и кожаная сумочка с бляшками сохранились на прежних местах (рис. 1.-2). В погребении пояс или его части не зафиксированы. По сохранившимся кожаным ремешкам с узелками можно заключить, что бляшки служили подвесками и не были прикреплены к поясному ремню. В сумочке находилось 12 накладных бляшек двух типов; девять шестисекционных (рис. 1.-3–10) и три бабочковидные (рис. 1.-11–13). На первый взгляд в рамках этих типов бляшки очень похожи. Однако достаточно близки между собой только четыре шестисекционные бляшки с продольными петельками на обороте (рис. 1.-3–5). Все остальные имеют значительные, а в двух случаях принципиальные отличия. Одна из шестисекционных бляшек более крупных размеров, отверстия в пластине отсутствуют, а на обороте поперечная петелька (рис. 1.-8) — особенность, почти не встречающаяся у накладных бляшек. Четыре шестисекционные бляшки без петелек также различались (рис. 1.-6, 7, 9, 10). Среди них выделяется бляшка меньших размеров без колец на средних выступах (рис. 1.-10). Различны и бабочковидные бляшки. Лопастни их воспроизводят изображение стилизованной головки хищной птицы, но выполнены они по-разному. Очевидно, что бляшки происходят от разных наборов, изготовлявшихся в разных местах.

Могила 24. Погребение мужчины в мелкой (0,2 м) яме длиной 2,2 м (рис. 1.-14). При умершем имелся набор роговых стрел, а также колчаные ворворка и крючок. Примерно на уровне пояса в разных местах обнаружено пять бляшек, из которых к традиционным поясным относятся три (рис. 1.-17–19). Одна из них шестисекционная с поперечной (!) петелькой (рис. 1.-19) подобна бляшке из могилы 19 (рис. 1.-8). Она находилась на кисти человека. У локтевого сустава левой руки лежала бабочковидная бляшка (рис. 1.-17). Несколько выше правой тазовой кости находилась крестовая (четырёхлепестковая) бляшка с петелькой на обороте. Там же лежали две бляшки, обычно не относимые к поясным (рис. 1.-15, 16). Не исключено, что все пять бляшек украшали пояс, но впоследствии были смещены грызунами. Все бляшки разнородные, что, вероятно, было следствием намеренного подбора.

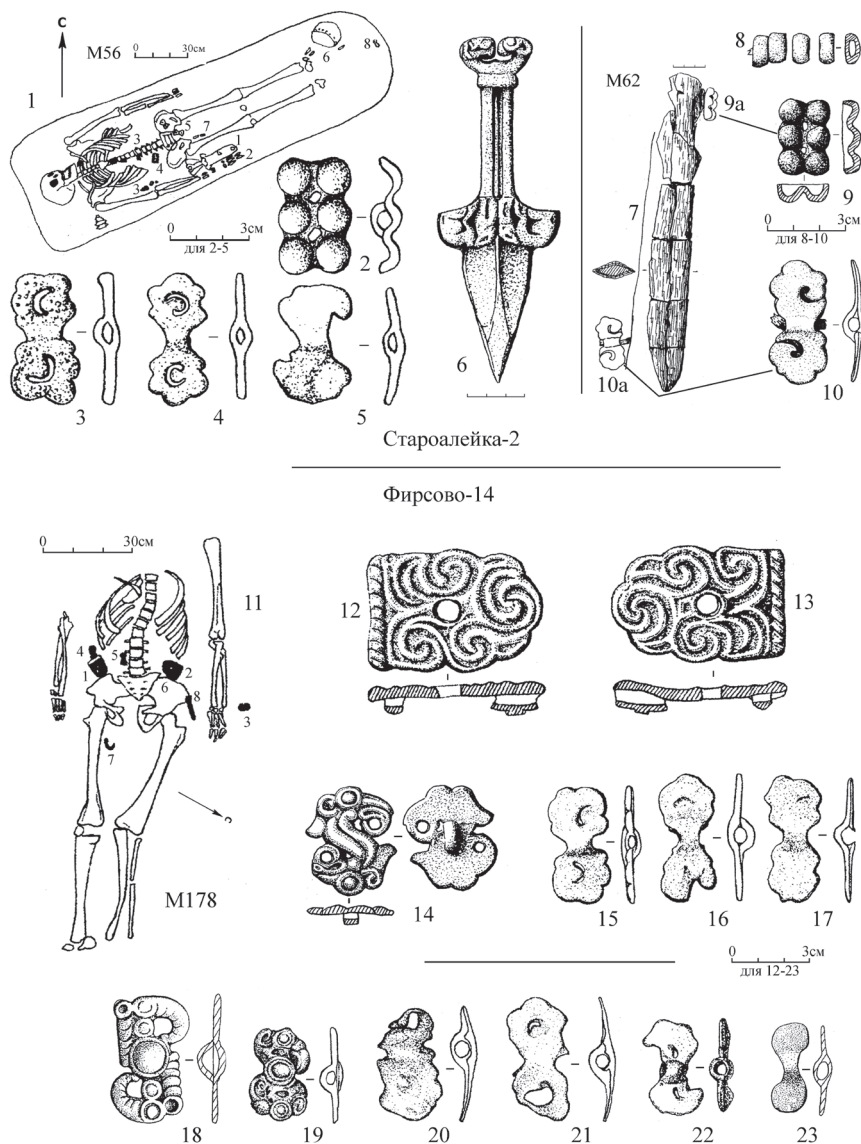

Рис. 2. Могильник Староалейка-2: 1 – погребение 56 (1 – бронзовый кинжал с ножнами; 2 – роговые наконечники стрел; 3 – железные обоймы; 4, 5, 8 – бронзовые бляшки; 7 – железный крюк); 2–6 – бронзовые бляшки и кинжал; 7–10 – железный кинжал, бронзовые пронизки и бляшки из погребения 62. Могильник Фирсово-14: 11 – погребение 178 (1, 2 – бронзовые концевые бляшки; 3–6 – бронзовые поясные бляшки; 7 – железный крючок; 8 – бронзовый нож); 12–17 – бронзовые концевые бляшки и бабочковидные бляшки из погребения 178; 18–23 – бронзовые бляшки из погребений [Фролов, 2008, рис. 133, 136].
Fig. 2. Staroaleyka-2 Burial Ground: 1 – burial 56 (1 – bronze dagger with scabbard; 2 – horn arrowheads; 3 – iron carrying slot; 4, 5, 8 – bronze plaques; 7 – iron hook); 2–6 – bronze plaques and dagger; 7–10 – iron dagger, bronze pendants and plaques from burial 62. Firsovo-14: 11 – burial 178 (1, 2 – bronze end plaques; 3–6 – bronze belt plaques; 7 – iron hook; 8 – bronze knife); 12–17 – bronze end plaques and butterfly-shaped plaques from burial 178; 18–23 – bronze plaques from burials [Frolov, 2008, fig. 133, 136].

plaques and dagger; 7–10 – iron dagger, bronze plaques and fuel tanks 62. Fyrsovo-14 burial site: 11–178 (1, 2 – bronze tubular beads; 3–6 – bronze belt plaques; 7 – iron hook; 8 – bronze knife); 12–17 – bronze end plaques and butterfly-shaped plaques from the burial 178; 18–23 – bronze plaques from the burials) [Frolov, 2008, fig. 133, 136]

Могила 56. Погребение мужчины в могильной яме длиной 2,55 м, глубиной 0,8 м (рис. 2.-1). При умершем найден бронзовый кинжал (рис. 2.-6), железные обоймы в районе груди, четыре накладных поясных бляшки и другой инвентарь. Две бабочковидные бляшки находились на костях таза, вероятно, украшали пояс (рис. 2.-3, 4). К этому поясу могла относиться и находившаяся в районе таза шестисекционная бляшка с отверстиями на пластине и продольной петелькой на обороте (рис. 2.-2). Третья бляшка S-образной формы (рис. 2.-5) лежала у восточной стенки могилы. Возможно, туда она была смещена грызунами.

Могила 62. Погребение мужчины в яме длиной 2,35 м, глубиной 0,95 м. Потревожено. Кости верхней части скелета смещены. У левого бедра умершего лежал железный кинжал плохой сохранности, рядом с которым зафиксированы шестисекционная и бабочковидная бляшки (рис. 2.-7). Первая находилась у навершия кинжала, вторая бляшка с остатками ремешка лежала у контура ножен рядом с острием кинжала. В погребении также найдены четыре полукруглые пронизки с остатками ремешка (рис. 2.-8), четыре роговых наконечника стрел и керамический сосуд [Кирюшин, Кунгуров 1996: 132]. Шестисекционная бляшка внешне подобна найденной в могиле 56, но значительно меньше и не имеет петельки на обороте (рис. 2.-9). Бабочковидная бляшка длиной 4,8 см представляет собой хороший образец со стилизованными головками грифонов на лопастях. Особенностью является наличие дополнительного выступа на «клюве» (рис. 2.-10). Назначение бляшек в М62 не очевидно. План погребения не опубликован, поэтому можно лишь предполагать, что шестисекционная бляшка находилась на поясе и случайно оказалась у навершия кинжала. Бабочковидная бляшка теоретически могла использоваться как застёжка вместо ворворки на нижней лопасти ножен кинжала. Однако других подобных случаев пока не известно.

Могильник Фирсово-14. Расположен на высоком мысовидном выступе правобережной террасы Оби, в 0,6 км к югу от с. Фирсово (Первомайский район Алтайского края). Выявлено более сотни погребений староалейской культуры, датируемых в рамках VI–V вв. до н. э. [Фролов, 2008: 394]. К 2008 г. было опубликовано 10 экземпляров накладных бляшек, в том числе две с литейным браком из приклада у детской могилы М259 (рис. 2.-20, 21). Ещё четыре бляшки найдены в не опубликованных могилах 56, 205 и 307 (рис. 2.-18, 19, 22, 23). В настоящее время в научный оборот введён лишь представительный комплекс с поясным набором из могилы 178¹. Судя по расположению бляшек на плане, пояс охватывал бедра умершего, но едва ли затягивался, поскольку крупные концевые (?) бляхи располагались по бокам (рис. 2.-11–13). На линии расположения этих блях находились три однотипные бабочковидные бляшки (рис. 2.-15–

¹ Номер могилы 178 указан в подписи к рисунку, где был опубликован план могилы и найденный в ней инвентарь [Фролов, 2008, рис. 133]. Однако в этой же монографии данная могила проходит под номером 186 [Фролов, 2008: 419]. Помимо этого, в более ранней публикации указанная поясная фурнитура отнесена к могиле 184 [Фролов, Шамшин, 1999: 221].

17). Четвёртая бляшка с хорошо проработанными головками грифонов обнаружена несколько в стороне, за левой рукой умершего. Похожее положение занимали и одиночные поясные бляшки на могильниках Староалейка-2 (в могиле 24 на кисти левой руки) (рис. 1.-14) и Обские Плёсы-2 (в могиле 2 под кистью левой руки) (рис. 4.-1). По-видимому, скопление бронзовых деталей (при костяке женщины?) в подобном месте отмечено на Фирсово-14 и в могиле 307 [Фролов, 2008: 160], откуда происходят две опубликованные поясные бляшки (рис. 2.-18, 23). Создаётся впечатление, что расположенные несколько в стороне у кисти левой руки одиночные бляшки (как и сумочки с подвесками) помещались туда намеренно, а не крепились на пояс. Судя по этим фрагментарным данным, на могильнике Фирсово-14 зафиксированы все три варианта применения поясных бляшек в ходе погребально-поминальных обрядов: на поясе мужчины-воина, в мешочке при женщине и как приклад у могилы ребёнка. Там же отмечены и все основные типы бляшек, зафиксированных в Староалейке-2 и Обских Плёсах-2, включая и обнаруженные А. С. Федоруком в 2020 г. шестисекционные изделия.

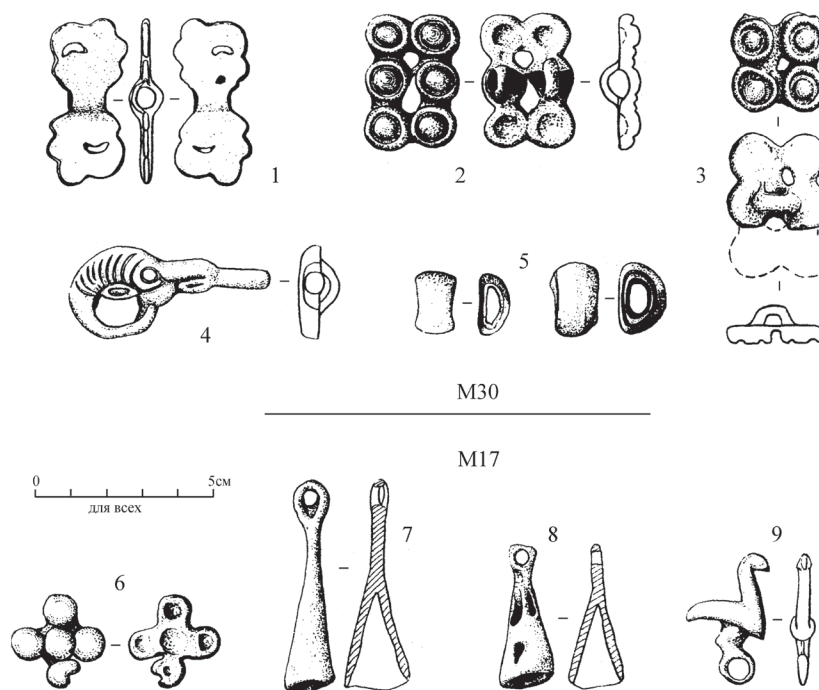

Рис. 3. Могильник Обские Плёсы: 1 – фрагмент погребения; 2–8 – поясные бронзовые бляшки из погребения 2; 16–35 – поясные бронзовые бляшки из могильников Староалейка-2, Фирсово-14 и Обские Плёсы-21 [Кирюшин, Кунгуров, 1966; Ведянин Кунгуров, 1996, Фролов, 2008]

Fig. 3. Burial Ground Obskie Plyosy: 1 – fragment of burial; 2–8 – belt bronze plaques from the burial 2. 16–35 – belt bronze plaques from burial grounds Staroaleyka-2, Firsovo-14 and Obskie Plyosy-21 [Kiryushin, Kungurov, 1966; Vedyanin, Kungurov, 1996; Frolov, 2008]

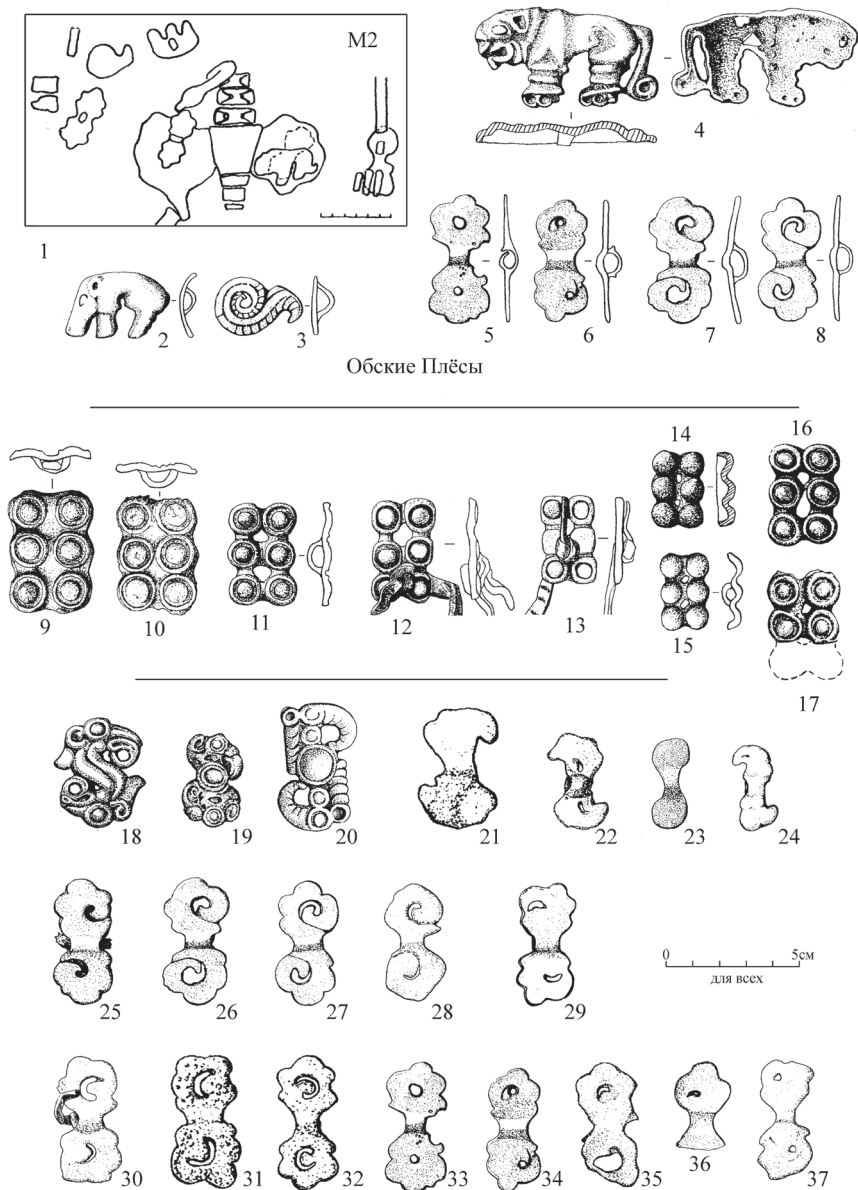

Рис. 4. Могильник Обские Плёсы. Бронзовые предметы из могил 30 и 17
[Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 15]

Fig. 4. Burial Ground Obskie Plyosy. Bronze objects from graves 30 and 17
[Vedyanin, Kungurov, 1996, fig. 15]

Могильник Обские Плёсы-2. Могильник находился в 3 км к западу от окраины с. Бобровка (Первомайский район Алтайского края), на мысу высокой правобережной террасы Оби. Захоронения грунтовые. Опубликованы материалы 50 могил, отнесённых

к староалейской культуре. Большинство погребений датировано V в. до н. э. [Ведянин, Кунгуров, 1996: 114]. Накладные поясные бляшки найдены в четырёх могилах (2, 9, 17, 30). Планы их отсутствуют, но по описанию умершие в указанных могилах погребались на спине, вытянуто, головой на юго-запад.

Могила 2. Представляет наибольший интерес, поскольку в ней был зафиксирован и подробно описан один из наиболее представительных поясных наборов в Барнаульском Приобье. Погребение подростка в яме длиной 1,25 м, глубиной 1,5 м. В районе пояса обнаружен железный крючок, который, по мнению исследователей, мог служить застёжкой пояса. На тазовых костях, под ними и рядом были «расчищены бляхи, украшающие ремень» (рис. 4.-1). На левой тазовой кости вверх лицевой стороной лежала «передняя (парадная) бляха» в виде кошачьего хищника, обращённого головой к центру. Напротив её, на правой тазовой кости, лицевой стороной вверх находилась бабочковидная бляшка (рис. 4.-8). Остальные бляшки, по всей видимости, располагались на поясном ремне с боков и спины. Все они лежали вверх обратными сторонами по дуге у правой тазовой кости, под левой тазовой костью и под костями кисти левой руки человека. Согласно этим данным, пояс находился в «рабочем положении», концы его почти совмещались, но пояс, видимо, не затягивался. Если судить по крайним бабочковидным бляшкам, лежавшим лицевыми поверхностями вниз, поясной ремень намного превосходил в охвате пояс подростка с учётом одежды.

Можно предположить, что этот богатый пояс изготавливался к похоронам взрослого мужчины, или он принадлежал мужчине до похорон. Не исключено, что бляшка под левой кистью была прикладом, и пояс был значительно короче. Как и в Староалейке-2, поясной набор включал разнородные детали: бляху в виде «тигра» с петлёй на обороте (рис. 4.-4), бляшку в виде «кабанчика» с петлёй на обороте (рис. 4.-2), бляшку в виде своеобразно оформленной стилизованной головки хищной птицы с петлёй на обороте (рис. 4.-3), две бабочковидные бляшки с головками стилизованных грифонов и отверстиями в виде запятой (рис. 4.-7, 8), две бабочковидные бляшки с малыми округлыми отверстиями в лопастях (рис. 4.-5, 6).

Могила 9. Погребение ребёнка в яме длиной 1,55 м, глубиной 0,65 м. Под челюстью на шейных позвонках найдена двухлопастная бляшка S-образной формы (рис. 4.-24) [Ведянин, Кунгуров, 1996: 105]¹.

Могила 17. Погребение подростка (девушки?) в яме длиной 2,3 м, глубиной 1,45 м. При костяке обнаружены две серьги, бусы, сосуд, возможно, браслет. Ближе к тазу у правой бедренной кости с внешней стороны «расчищены лежащие компактной группой следующие предметы: две колоколовидные подвески с литейным браком (рис. 3.-7, 8), крестовая бляшка (рис. 3.-6), и бронзовая подвеска в виде водоплавающей птицы» (рис. 3.-9) [Ведянин, Кунгуров, 1996: 106]. Это скопление представляет особый интерес, поскольку из традиционных деталей поясной фурнитуры включает только крестовую бляху. Вероятно, содержимое такого рода «прикладов» к умершим женщинам допускало помещение самых разных небольших предметов, которые в реальной жизни использовались как подвески.

¹ На с. 113 указанной статьи эта могила означена под номером 12.

Могила 30¹. Погребение женщины в яме длиной 2,2 м, глубиной 0,8 м. При костяке найдены бусы, серьга, булава, браслет, пряслице. «С правой стороны в районе голени» найдена бабочковидная бляха (рис. 3.-1). «Между ног умершего, чуть выше коленных суставов, находился поясной набор, состоящий из пряжки, выполненной в скифо-сибирском зверином стиле, и двух многосоставных солярных блях квадратной и прямоугольной формы» (рис. 3.-2–4) [Ведянин, Кунгуров, 1996: 108]. Одна из «солярных» блях обломана. У целой бляшки на обороте показано две петельки (!). Там же были и две бронзовые пронизки (рис. 3.-5). Авторы публикации предположили, что все эти детали относились к поясу, уложенному с женщиной. При этом изделие «в виде головы арха» трактовалось как «пряжка» этого пояса [Ведянин, Кунгуров, 1996: 112]. План могилы не опубликован, но, согласно приведённому выше описанию, находка скорее представляет скопление деталей, как и в других женских погребениях. Добавим, что «пряжка» не находит аналогий среди достоверных застёжек. Конструктивно она представляет собой подвеску типа более просто оформлявшихся костыльков-кочедыков.

Согласно опубликованным материалам, к настоящему времени на могильниках Староалейка-2, Фирсово-14 и Обские Плёсы-2 обнаружено 34 бляшки, которые могут быть отнесены к накладным поясным. По форме они разделяются на три основных типа: бабочковидные (16 экз.), S-образные (4 экз.) и секционные (в основном шестисекционные) (14 экз.). В археологической литературе бляшки бабочковидной и S-образной формы, как правило, называют «бабочковидными» [Семёнов, 1997: 19; Килуновская, Фролов, 2020]. В ряде случаев это оправданно, поскольку имеется значительное количество изделий промежуточного типа. Например, контуры одной бляшки из Староалейки-2 с увеличенным «клювом» приобрели S-образную форму (рис. 2.-5). И наоборот, бляшка с реалистичными головками грифонов из Обских Плёсов-2 (рис. 2.-14) композиционно является S-образной, но по контурам она бабочковидной формы. На наш взгляд, эти два типа следует различать. Бляшки S-образной формы в Южной Сибири существуют уже в начале VI в. до н. э. (рис. 5.-8–10). Наиболее ярко эти различия проявились в Северном Китае. Там существовавшие в Западной Чжоу (IX–VIII вв. до н. э.) S-образные и кольцевидные композиции драконов послужили у местных скотоводов образцами для S-образных и бабочковидных бляшек скифского времени (рис. 5.-1–5). При этом по контуру S-образная композиция подобна бабочковидной бляшке, но без сужения по центру (рис. 5.-1).

Бабочковидные бляшки Южной Сибири могут быть подразделены на несколько вариантов по степени стилизации образа хищной птицы (грифона). К первому варианту можно отнести немногочисленные наиболее хорошо проработанные образы головки грифона с крупным загнутым клювом, округлым глазом, ухом и гривой. Они сильно различаются по оформлению, контурам и размерам. В староалейской культуре бляшки происходят из разных погребений могильника Фирсово-14 (рис. 4.-18–20). Ко второму варианту относятся бляшки с образами сильно стилизованного, но узнаваемого грифона (рис. 4.-25–29). Выделяется мощный загнутый клюв, подчёркнутый прорезной

¹ Этот номер дан в описании могилы на с. 108 статьи. В итоговой части статьи эта могила проходит под номером 33 [Ведянин, Кунгуров, 1996: 112].

или намеченной «запятой», расширяющейся по направлению клюва. На трёх экземплярах в верхней позиции лопасти обозначен глаз (рис. 4.-25–27), а за ним расположены два овальных выступа, передающие гриву. На одной из этих бляшек глаз и грива лишь угадываются (рис. 4.-28), на другой на «клюве» имеется дополнительный выступ (рис. 4.-25).

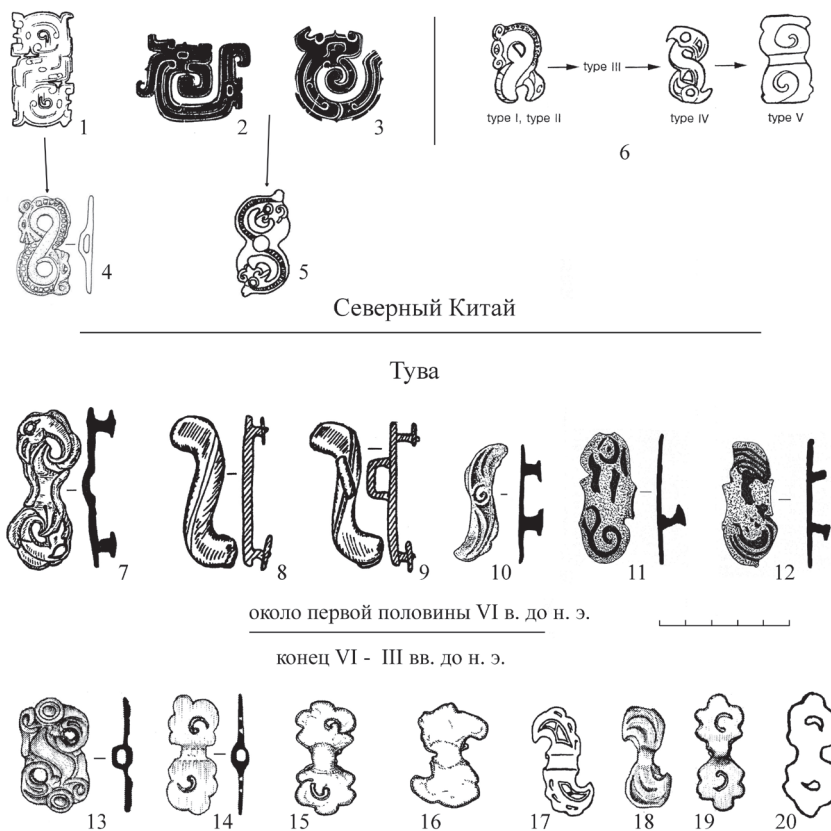

Рис. 5. Бляшки из Северного Китая и Тувы: 1–3 – нефритовые бляшки из могилы М 92 могильника Тяньма [Сюй Тяньцзинь, 1995: 7, рис. 19.-3, рис. 26.-6–8]; 4, 5 – бронзовые поясные бляшки из погребений культуры маоцингю (4) и янлан (5) V в. до н. э. [УЭнь, 2008, рис. 108.–9, 10]; типология бляшек из Северного Китая [Psarras, 1992; Семёнов, 1997: 19, рис. 26]; 7–12 – переходные бляшки-пристёжки из могильников Сыпучий Яр (7–9), Демир-Суг-2 (10) и Куйлуг-Хем-1 [Семёнов, 2001, рис. 1, 2; Монгуш, 2019, рис. 2.–4, 4.–1, 2]; 13–20 – бронзовые накладные бляшки из Уюкской котловины [Килуновская и др., 2021, рис. 9]

Fig. 5. Plaques from Northern China and Tuva: 1–3 – jade plaques from grave M92 of Tianma burial ground (by: Xu Tianjin, 1995. 7, fig. 19, 3, fig. 26, 6–8); 4, 5 – bronze plaques from Maoqinggou (4) and Yanglang (5) cultures burials of V c. BC (by Wu En, 2008, fig. 108.–9, 10); plaques typology from North China (by: Psarras, 1992, quoted by Semyonov, 1997, p. 19, fig. 26); 7–12 – transitional plaques-straps from the burial grounds Sypuchij Yar (7–9), Demir-Sug-2 (10) and Kulug-Hem-1 (by: Semyonov, 2001, fig. 1, 2; Mongush, 2019, fig. 2.–4, 4.–1, 2); 13–20 – bronze appliqué plaques from the Uyuk basin [Kilunovskaya, etc. 2021, fig. 9]

Грифон на пятой бляшке отличается коротким клювом с дуговидной прорезью, но также имеет три овальных выступа, обозначающих глаз и гриву (рис. 4.-29). Следует отметить и приострѐнные выступы под клювами у трёх бляшек (рис. 4.-25, 26, 28). Лопастей простейших бляшек третьего варианта представляют собой довольно аморфную окружность с овальными выступами с намеченным или сквозным отверстием в виде запятой или точки (рис. 4.-30–37). Клюв обычно не фиксируется, а вырез в виде запятой или дуги не согласуется с расположением овальных выступов. Причинами изготовления таких бляшек с невнятными формами могут быть как непрофессионализм, так и непонимание изначального образа.

S-образные бляшки найдены на всех трёх рассмотренных староалейских могильниках, но всего по одному-двум экземплярам (рис. 4.-21–24). Три из них существенно меньше бабочковидных. На лопастях трёх бляшек угадываются предельно схематизированные головки хищной птицы или грифона с незначительно изогнутым клювом (рис. 4.-21, 22, 24).

Шестисекционные бляшки по форме и изображениям на лицевой стороне принципиально отличаются от бабочковидных и S-образных бляшек. На шестисекционных бляшках нет изображений существ ни в Южной Сибири, ни в Китае. Зачастую отсутствует и орнамент на полусферических выступах (рис. 4.-14, 15). Отмечается два основных способа крепления к поясному ремню (через отверстия в щитке и за петельку), два варианта положения петелек (продольное и поперечное). Известен экземпляр бляшки с двумя петельками (рис. 3.-2). Сам орнамент в основном ограничен двумя вариантами: солярными знаками (рис. 4.-9–13, 16, 17) и сдвоенными спиралями. Унаследованный с раннескифского времени спиральный орнамент в VI–III вв. до н. э. в Сибири встречается очень редко, но получил значительное распространение в культуре янлан (Северный Китай, Нинся-Хуэйский АО). До недавнего времени в Южной Сибири почти все малочисленные шестисекционные бляшки происходили из староалейских погребений. Но в последнее десятилетие они были обнаружены и в Туве. При этом у двух экземпляров имеется по 9 и даже 12 секций [Килуновская, Фролов, 2020, рис. 2.-7, 9].

Следует добавить, что в Южной Сибири в большинстве комплексов накладные бляшки могут существенно различаться между собой по размерам, а также оформлению петелек, втулок и центральной лицевой части бабочковидных и S-образных бляшек.

2. О происхождении поясных бляшек

По мнению большинства исследователей, бабочковидные бляшки изначально появились в Северном Китае, откуда распространились на территорию Монголии и Южной Сибири [Семёнов, 1997: 19; У Энь, 2008: 179; Килуновская, Фролов, 2020: 130]. Основанием тому послужили: 1) наличие в Северном Китае прототипов эпохи поздней бронзы; 2) предположительно более ранние датировки некоторых исследованных там погребений с бляшками; 3) значительно большее разнообразие и количество по сравнению с бляшками из Южной Сибири. Достаточно сказать, что в погребениях могильника Маоцингоу обнаружено 311 бронзовых и железных поясных накладных бляшек, что несколько больше, чем известно во всей Южной Сибири и Монголии.

Китайские и англоязычные специалисты исходят из факта несомненного сходства нефритовых бляшек в погребениях Западной Чжоу VIII в. до н. э. (и более ранних) с ба-

бочковидными и S-образными бляшками на поясах в скифоидных культурах Северного Китая [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986: 117, рис. 82; S-K. Psarras, 1992, цит. по: Семёнов, 1997: 19, рис. 26-Б; Bunker, 1997: 205, 220; Ван Пэн, 2018: 20]¹. Однако существует проблема хронологического и культурного разрыва. Казалось бы, очевидный процесс трансформации древнего образа китайского дракона в грифона скотоводов пока не имеет должного обоснования. Погребения китайской элиты Западной Чжоу раньше рядовых захоронений скотоводов на 200–300 лет, и пока между ними не видно никаких связей. На основной территории, занимаемой скифоидными культурами в Северном Китае, вообще нет переходных вариантов и самой поясной фурнитуры вплоть до появления поясов с бабочковидными бляшками в VI–V вв. до н. э.

Между тем есть основания говорить о первенстве «северных кочевников». 25 лет назад уже отмечалось, что в Туве на поясах VII–VI вв. до н. э. имеются изделия, «типологически близкие» бабочковидным бляшкам [Семёнов, 1997: 19; там же, 2000: 179]. За прошедшие годы в восточной части степного пояса от Урала до Северного Китая накоплен значительный материал по поясной фурнитуре VII–VI вв. до н. э. На этом фоне Тува занимает особое место, благодаря замечательным находкам, включающим фрагменты поясов и даже полностью сохранившийся пояс из Чинге-Тэя-1 [Чугунов, 2016, Монгуш, Монгуш, 2019; Килуновская и др., 2021]. *Имеются веские основания считать Туву пока единственной областью, где достоверно прослеживается трансформация поясных обоем раннескифского времени в нефункциональные накладные поясные бляшки.* В нескольких переходных комплексах в Туве, датируемых примерно концом VII — первой половиной VI в. до н. э., обнаружены наборы с бляшками-пристёжками (рис. 5.-7–12). Бляшки этой переходной формы крепились к ремню посредством двух шпеньков — способом, широко распространённым в раннескифское время. При этом некоторые бляшки сохраняли на лицевой стороне петельки, ранее использовавшиеся для пропуска среднего ремешка (рис. 5.-9). Вместе с тем среди этих бляшек-пристёжек уже появились все основные формы и образы накладных бляшек VI–IV вв. до н. э.: бабочковидные с головками хищной птицы и сужением в центральной части (рис. 5.-7), S-образные (рис. 5.-8–10), а также со спиралевидными орнаментами, которые могут трактоваться как условное изображение головки хищной птицы (рис. 5.-11, 12). На бляшках-пристёжках из Демир-Суга-2 уже имеется спираль по центру, разделяющая две лопасти (рис. 5.-10). На остальных территориях мы фиксируем только устоявшиеся формы накладных поясных бляшек без шпеньков в памятниках не ранее второй половины VI в. до н. э. Вероятно, Тува была центром, из которого идея украшать пояса накладными бляшками распространились в соседние области. В их числе был и Северный Китай,

¹ Действительно, в погребениях Западной Чжоу встречаются нефритовые бляшки и бронзовые сосуды с изображениями двух драконов, расположенных в виде буквы «S» по принципу центральной симметрии (рис. 5.-1), а также изображения подквадратной и округлой формы в виде свернувшегося дракона с отогнутым кончиком хвоста (рис. 5.-2, 3). При этом они могут встречаться в одном комплексе, например, в могиле M92 могильника Тяньма, датируемой IX в. до н. э. (рис. 5.-1–3) [Сюй Тяньцзинь, 1995: 7, рис. 19.-3, 26.-6–8]. Обратим внимание, что голова дракона с отогнутым хвостом имеет все особенности, характерные для полных изображений грифонов из Южной Сибири: закручивающийся «клюв», «восковицу», ухо и гребень (сравнить рис. 5.-2, 3 и 5.-13).

куда до этого во второй половине VII в. до н. э. также с севера были привнесены пояса с обоймами, подобные найденным в Туве [Шульга, 2015, рис. 100.–20, 28; 123, 125].

Заключение

По имеющимся данным, выделяется несколько основных областей, в рамках которых поясные бляшки отличаются своеобразием: 1) Китай, восточная часть провинции Ганьсу (культура шацзин), 2) Китай, территория Нинся-Хуэйского АО с прилегающими районами Ганьсу (культура янлан), 3) Китай, район оз. Дайхай в южной части Внутренней Монголии (культура маоцингоу), 4) Южная Сибирь, бассейн Ангары с западным побережьем Байкала, 5) Южная Сибирь, Тува (уюкско-саглынская культура), Барнаульское Приобье (староалейская культура) и Томское Приобье. В каждой из этих областей имеется несколько преобладающих вариантов бляшек, по форме и семантике не совпадающих с соседними областями. В Северном Китае они хорошо соотносятся с тремя основными археологическими культурами VI–III вв. до н. э. — маоцингоу, янлан и шацзин. В Южной Сибири культурные особенности поясных наборов по сравнению с немногочисленными поясным бляшкам не столь заметны. Бабочковидные и S-образные накладные бляшки староалейской культуры почти не отличаются от найденных в Туве (сравнить рис. 4.-18–37 и рис. 5.-13–20). Особенность староалейского комплекса в сравнительно большом количестве разнообразных шестисекционных бляшек (рис. 4.-9–17). Несмотря на отсутствие в староалейской культуре полных поясных наборов из однотипных шестисекционных бляшек, можно предположить их местное изготовление. На соседних территориях они почти не встречаются, а известные исследователям имеют отличия. В Туве они найдены только в последнее десятилетие и в малом количестве [Килуновская, Фролов, 2020, рис. 2.–4, 5, 8]. В значительном числе шестисекционные бляшки имеются лишь в культуре шацзин (провинция Ганьсу в Северном Китае) [Институт археологии..., 2001]. Однако бляшки в этой удалённой от Верхнего Приобья культуре имеют существенные отличия, каких-либо контактов между культурами пока не наблюдается.

Не найдено явной преемственности шестисекционных бляшек и с орнаментом на обоймах со сдвоенными спиралями раннескифского времени из Тувы (Аржан-2, Демир-Суг-2). Судя по явно намеренному включению в староалейские комплекты бабочковидных и шестисекционных бляшек (рис. 1–3), можно считать их характерными для этой культуры, как и специфический обряд помещать их в женские погребения в составе с различными подвесками. Почти все комплекты при поясах и в женских сумочках там составлены из разнородных бляшек и подвесок. Бронзовые детали в скоплениях при женщинах наиболее разнородны, не связаны с поясами и больше напоминают скопления изделий из культовых объектов типа Тасеевского комплекса в Приангарье [Гревцов, 2013] и «клада» из Степановки в Томском Приобье [Плетнёва, 1977].

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР Института археологии и этнографии СО РАН «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022–0006).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ван Пэн. Взаимодействие культур бронзового и раннего железного века Южной Сибири, Синьцзяна и Северного Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 16–29.

Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л. Грунтовый могильник Староалейской культуры Обские Плёсы 2 // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

Воробьёва С. Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // Уфимский археологический вестник. Уфа : Гилем, 2010. Вып. 10. С. 56–63.

Гревцов Ю. А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории : сб. науч. ст. Красноярск : Краснояр. краев. краеведческий музей, 2013. С. 92–106.

Килуновская М. Е., Семёнов В. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл — Курагино // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2013. № 3. С. 197–222.

Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семёнов В. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек в 2014 г. // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 193–224.

Килуновская М. Е., Семёнов В. А., Семёнов А. В., Бусова В. С. Поясные наборы в культуре кочевников Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. Вып. 1. С. 30–50.

Килуновская М. Е., Фролов Я. В. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда : материалы Международной научной конференции. М. : РГГУ, 2020. С. 126–138.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племён Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.

Монгуш К. М., Монгуш М. А. Погребения раннескифского времени с предметами парадной поясной фурнитуры могильника Демир-Суг II в Туве // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 9. Кемерово, 2019. С. 17–29.

Плетнёва Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск : Изд-во ТГУ, 1977. 108 с.

Плетнёва Л. М. Предметы скифо-сибирского стиля из Томского Приобья. Томск : Изд-во ТГПУ, 2012. 190 с.

Семёнов В. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). СПб., 1997. 48 с.

Семёнов В. А. Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н. э. в Туве // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 179–182.

Семенов В. А. Сыпучий Яр — могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2001. С. 167–172.

Семенов В. А., Килуновская М. Е. Могильник скифского времени Саускен 3 в долине реки Ээрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии / отв. ред. В. А. Алекшин. СПб. : АртЭкспресс, 2014. С. 393–422.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобъя в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219–226.

Шамшин А. Б., Чекрыжова О. И. Предметы древнего искусства из окрестностей села Фирсово // Степи Евразии в древности и средневековье СПб. : Изд-во Государственно-Эрмитажа. 2003. Кн. II. С. 184–187.

Чугунов К. В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.

Psarras S.-K. Redating Xiongun Culture // The international academic conference of archaeological culture of the Northern Chinese ancient nations. Huh-Hoto. 1992. P. 102–136 (на англ. яз).

Bunker E. C. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997. 373 p. (на англ. яз).

Институт археологии и культурного наследия пров. Ганьсу. Юнчан Сиган Чайваньган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао [甘肃省文物考古研究所. 永昌西崗柴灣崗: 沙井文化墓葬发掘报告] Сиган и Чайваньган в уезде Юнчан: отчет о раскопках культуры Шацзин. Ланьчжоу : Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2001. 270 с. (на кит. яз).

Оргилбаяр С., Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсүрэн Н. Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шинжилгээ-1» төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс. Монголын археологи. 2018. Улаанбаатар хот, 2019. С. 140–146 (на монг. яз).

Сюй Тяньцзинь. Тяньма — цюйцунь ичжи бэй чжаоцзиньхоу муди ди у цы фацзюэ [徐天进. 天马 — 曲村遗址北赵晋侯墓地第五次发掘 // 文物1995年第7期] Пятый сезон раскопок на могильнике Бэйчжао Цзиньхоу на памятнике Тяньма — Цюйцунь // Вэнь У. 1995. Вып. 7. С. 4–39. (на кит. яз).

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Оэрдосы ши цинтунци. [田广金, 郭素新. 阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器] Бронзы ордосского стиля. Пекин : Вэньу, 1986. 402 с. (на кит. яз).

У Энь (Уэньюэсыту). Бэйфан цао юань каогусюэ вэньхуа бицзю яньцзю — цинтун шидай чжи цзаоци сюнну шици [乌恩岳斯图. 北方草原考古学文化比较研究-青铜时代至早期匈奴时期] Сравнительные исследования археологических культур северных степей: С эпохи бронзы до периода ранних сюнну. Пекин : Кэсюэчубаньшэ, 2008. 364 с. (на кит. яз).

REFERENCES

Chugunov K. V. Paradnye poiasa kочevnikov Azii v ranneskifskoe vremia [Ceremonial belts of nomads of Asia in the Early Scythian time]. *Altai v krugu evraziiskikh drevnostei* [Altai

in the circle of Eurasian antiquities]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2016. P. 336–356 (in Russian).

Frolov Ya. V. *Pogrebal'nyi obriad naseleniia Barnaul'skogo Priob'ia v VI v. do n. e. — II v. n. e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [Funeral rite of the population of Barnaul Priobye in the VI century BC–II century AD (according to ground burial grounds)]. Barnaul: Azbuka, 2008, 479 p. (in Russian).

Frolov Ya. V., Shamshin A. B. Mogil'niki rannego zheleznogo veka Firsovskogo arkheologicheskogo mikroraiona (Firsovo-III, XI, XIV) [Burial grounds of the early Iron Age of the Firsovo archaeological microdistrict (Firsovo-III, XI, XIV)]. *Itogi izucheniia skifskoi epokhi* [Results of the study of the Scythian epoch]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. P. 219–226 (in Russian).

Grevtsov Iu. A. Voinskie poiasa skifskoi epokhi Severnogo Priangar'ia po materialam Ust' — Taseevskogo kul'tovogo kompleksa [Military belts of the Scythian epoch of the Northern Angara region based on the materials of the Ust-Taseyevsky cult complex]. *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological research of the antiquities of the Lower Angara and adjacent territories]. Krasnoiar. kraev. kraevedcheskii muzei, 2013. P. 92–106 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Lazarevskaia N. A., Sadykov T. R., Semenov V. A. Issledovaniia Tuvinskoj arkheologicheskoi ekspeditsii IIMK RAN v doline r. Eerbek v 2014 g. [Research of the Tuvan archaeological expedition of the IIMC RAS in the valley of the river Eerbek in 2014] *Biulleten' IIMK RAN (okhrannaia arkheologiiia)* [Bulletin of the IIMK RAS (conservation archeology)]. 2015, no. 5. P. 193–224 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Semenov V. A. Issledovaniia Tuvinskoj arkheologicheskoi ekspeditsii po trasse zheleznoi dorogi Kyzyl — Kuragino [Research of the Tuvan archaeological expedition along the route of the Kyzyl — Kuragino railway]. *Biulleten' IIMK RAN (okhrannaia arkheologiiia)* [Bulletin of the IIMK RAS (conservation archeology)]. 2013, no. 3. P. 197–222 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Semenov V. A., Semenov A. V., Busova V. S. Poiasnye nabory v kul'ture kochevnikov Tuvy [Belt sets in the culture of Tuva nomads]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New researches of Tuva]. 2021, vol. 1. P. 30–50 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Frolov Ia. V. Sravnitel'nyi analiz poiasnykh ukrashenii skifskogo vremeni Barnaul'skogo Priob'ia i Tuvy [Comparative analysis of belt ornaments of the Scythian period of the Barnaul Ob and Tuva]. *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obriada: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [An object in the context of a funeral rite: Materials of an international scientific conference]. M.: RGGU, 2020. P. 126–138 (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Kungurov A. L. Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleika-II [Burial ground of the early Iron Age Staroaleika-II]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996. P. 115–134 (in Russian).

Mongush K. M., Mongush M. A. Pogrebeniia ranneskifskogo vremeni s predmetami paradnoi poiasnoi furnitury mogil'nika Demir-Sug II v Tuve [Burials of the Early Scythian period with items of ceremonial belt fittings of the Demir-Sug II burial ground in Tuva].

Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaiia Pisanitsa" [Scientific notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve]. Kemerovo. 2019, vol. 9. P. 17–29 (in Russian).

Pletneva L. M. *Predmety skifo-sibirskogo stilia iz Tomskogo Priob'ia* [Objects of the Scythian-Siberian style from the Tomsk region]. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2012, 190 p. (in Russian).

Pletneva L. M. *Tomskoe Priob'e v kontse VIII–III vv. do n. e.* [Tomsk Priobye at the end of the VIII–III centuries BC]. Tomsk: Izd-vo TGU, 1977, 108 p. (in Russian).

Semenov V. A. *Mongun-Taiga (arkheologicheskie issledovaniia v Tuve 1994–1995 gg.)* [Mongun-Taiga (archaeological research in Tuva 1994–1995)]. SPb., 1997, 48 p. (in Russian).

Semenov V. A. Problema vydeleniia khronologicheskikh indikatorov v skifskikh kompleksakh V–IV vv. do n. e. v Tuve [The problem of identifying chronological indicators in the Scythian complexes of the V–IV centuries BC in Tuva]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaia* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, 2000, vyp. XI. P. 179–182 (in Russian).

Semenov V. A. Sypuchii Iar — mogil'nik aldy-bel'skoi kul'tury v Tuve [Loose Yar — burial ground of the Aldy-Belsky culture in Tuva] *Evraziia skvoz' veka* [Eurasia through the ages]. SPb.: Fil. fak. SPbGU, 2001. P. 167–172 (in Russian).

Semenov V. A., Kilunovskaia M. E. Mogil'nik skifskogo vremeni Sausken 3 v doline reki Eerbek (Respublika Tyva) [The burial ground of the Scythian time Sausken 3 in the valley of the river Eerbek (Republic of Tyva)]. *Arkheologiia drevnikh obshchestv Evrazii* [Archeology of ancient societies of Eurasia]. SPb.: ArtEkspress, 2014. P. 393–422 (in Russian).

Shamshin A. B., Chekryzhova O. I. Predmety drevnego iskusstva iz okrestnostei sela Firsovo [Objects of ancient art from the vicinity of the village Firsovo]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages]. SPb: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha. 2003, book II. P. 184–187 (in Russian).

Van Pen. Vzaimodeistvie kul'tur bronzovogo i rannego zheleznogo veka Iuzhnoi Sibiri, Sin'tsziana i Severnogo Kitaia [Interaction of the Bronze and Early Iron Age cultures of Southern Siberia, Xinjiang and Northern China]. *Vestn. NGU. Serii: Istoriiia, filologiia: Vostokovedenie*. [Vestn. NSU. Series: History, Philology: Oriental Studies]. 2018, vol. 17, no. 4. P. 16–29 (in Russian).

Vedianin S. D., Kungurov A. L. Gruntovyi mogil'nik Staroaleiskoi kul'tury Obskie Plesy 2 [The ground burial ground of the Staroaley culture Ob Ples 2]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, 1996. P. 88–114 (in Russian).

Vorob'eva S. L. Poiasnye nakladki s izobrazheniem grifona: k voprosu o proiskhozhdenii i vremeni poiavleniia v lesostepi Priural'ia [Belt pads with the image of a griffin: on the question of the origin and time of appearance in the forest-steppe of the Urals]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin]. Ufa: Izd-vo "Gilem", 2010, vyp. 10. P. 56–63 (in Russian).

Psarras S-K. Redating Xiongun Culture. *The international academic conference of archaeological culture of the Northern Chinese ancient nations*. Huh-Hoto, 1992. P. 102–136 (in English).

Bunker E. C. *Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes*. New York, 1997. 373 p. (in English).

Orgilbaiar S., Kharinskii A. V., Erdenebaatar D., Mandalsyren N. *Mongol-Orosyn khamtarsan “Төв Азиin аркхеологиin шинzhilgee-1” төслиin Khөvsgөл aimgiin Khankh сумын нутагт иавуулсан малтлага судалгааны азхлын үр’дchilsан үр дүngees. Mongolyn аркхеологи. 2018.* [Reliminary results of the Mongolian-Russian joint project “archaeological analysis of Central Asia-1” conducted in Khankh Soum, Khuvsgul province. *Archaeology of Mongolia. 2018.*] Ulaanbaatar khot, 2019. P. 140–146 (in Mongolian).

Institute of Archeology and Cultural Heritage of Gansu Province. *Yongchang Xigang Chaiwangang* [Chai Wan Gang, Xigang, Yongchang: Excavation Report of Shajing Cultural Tombs]. Lan'chzhou: Gansu renmin chubanshe, 2001, 270 p. (in Chinese).

Tian Guanjin, Go Suxin. *Oerduosi shi qintongqi* [Ordos-style bronze artifacts]. Pekin: Wenwu, 1986, 402 p. (in Chinese).

Wu En. *Beifang caoyuan kaoguxue wenhua bijiao yanjiu — qingtong shidai zhi zaoqi xiongnu shiqi* [Comparative Study on Archaeology and Culture of the Northern Grassland-Bronze Age to Early Xiongnu Period]. Pekin: Kexue chubanshe, 2008, 364 p. (in Chinese).

Xu Tianjin. *Tianma — qucun yizhi bei zhao jinhou mudi di wu ci fajue* [Fifth Season of Excavations at the Beizhao Jinhou Burial Ground at Tianma-Qucun Archaeological Site]. Wenwu. 1995, vyp 7. P. 4–39 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 05.07.2023

Принята к публикации: 28.08.2023

Дата публикации: 27.09.2023